

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Взгляд на методологию науки

Мы продолжаем знакомиться с историей Западной философии по работе Энтони Кенни. Сегодня мы будем говорить о взглядах западных философов на методологию науки.

В течение десятилетий после публикации грамматики Ньюмена в США Чарлз Сандерс Пирс попытался разработать эпистемологию, соответствующую эпохе научных исследований. Он представил её в серии статей в научно-популярном ежемесячнике под названием «Иллюстрация логики науки». Самыми известными из серии являются две первые статьи «Фиксация веры» и «Как сделать наши идеи ясными».

В первом эссе Пирс отмечает, что исследование всегда порождает сомнения и заканчивается верой. Что это значит? Раздражение сомнений является единственным непосредственным мотивом для борьбы за веру. Для нас, безусловно, лучше всего, чтобы наши убеждения были такими, которые могут действительно направлять наши действия на удовлетворение наших желаний. Это размышление может заставить нас отвергнуть любую веру, которая, похоже, не была сформирована так, чтобы обеспечить этот результат. Но она сделает это только путем создания сомнений на месте этой веры. Поэтому Пирс говорит, что «с сомнения начинается борьба, прекращением сомнения она заканчивается». Таким образом, единственным объектом любого исследования является урегулирование мнений.

Пирс говорит, для того, чтобы уладить наши мнения и исправить наши убеждения обычно используются четыре разных метода. Это метод упорства, метод авторитета, априорный метод и научный метод. Мы можем принять предложение, соглашаясь со всем, что его поддерживает, и отвернувшись от всего, что может его нарушить. Некоторые люди читают только те газеты, что подтверждают их политические убеждения. А религиозный человек может сказать: «О, я не могу поверить в то-то и то-то, потому что если бы я это сделал, то должен был быть несчастным». Это метод упорства. Он имеет преимущество – обеспечивает комфорт и спокойствие личности. Пирс говорит: человек, который верит, что после смерти отправится прямо на небеса, «имеет дешёвое удовольствие, у которого не будет последствия разочарования».

Проблема, с которой вы сталкиваетесь, если применяете метод упорства, заключается в том, что ваши убеждения могут противоречить убеждениям других верующих. Средства правовой защиты для этого обеспечиваются вторым методом – авторитетом. «Пусть будет создан институт, целью которого станет сохранение правильных учений, постоянное их повторение и обучение молодежи. Обладая в то же время властью предотвращать преподавание, пропаганду или выражение противоположных доктрин». Этот метод, говорит Пирс, был наиболее совершенным в Риме, со времен Нума Помпилия до IX. Но во всем мире, от Египта до Сиам, он оставил величественные реликвии в камне, сравнимым с величайшими произведениями природы.

Метод авторитета имеет два недостатка, на которые указывает Пирс. Во-первых, он всегда сопровождается жестокостью. Если в современных государствах не одобряют поджог или другую расправу над еретиками, своего рода моральный терроризм обеспечивает единообразие мнений. «Если будет известно, что вы серьёзно придерживаетесь запретной темы, можете быть совершенно уверены в том, что к вам относятся с жестокостью менее жестокой, но более утонченной, чем охота на вас, как волка. Во-вторых, ни один институт не может регулировать мнение по каждому вопросу. Всегда найдутся независимые мыслители, которые, сравнивая свою культуру с другими, увидят, что доктрины, привитые властью, возникают только из случайности и обычаев. Такие мыслители могут принять третий метод, пытаясь априорной «хирургией» произвести универсально валидную метафизику. Это более разумно, респектабельно, чем два других метода, но это явно не приводит к фиксации убеждений. С древнейших времен до последних дней маятник между идеалистической и материалистической метафизикой качается без какой-нибудь возможности замереть».

Поэтому, считает Пирс, мы должны принять четвёртый метод, метод науки. Первый постулат этого метода – существование реальности, независимой от нашего разума.

Есть реальные вещи, чья сущность совершенно не зависит от наших мнений о ней. Эти реальности воздействуют на наши чувства в соответствии с постоянными законами. Хотя наши ощущения так же различны, как наши отношения к объектам, с использованием законов восприятия можно убедиться, как обстоят дела на самом деле. И любого человека, если он обладает достаточным опытом и достаточным основанием для своих размышлений, это будет приводить к истинному заключению.

Пирс видел задачу логики в том, чтобы дать нам руководящие принципы, позволяющие на основе того, что мы знаем, узнать то, чего мы не знаем. И тем самым приблизиться еще ближе к конечной реальности.

Хотя Пирс настаивал на том, что сомнение является источником исследования, он отверг принцип Рене Декарта о том, что истинная философия должна начинаться с универсального, методологического скептицизма. Подлинным сомнением должно быть сомнение в том или ином предложении по той или иной причине. Картезианские сомнения были пустым притворством, а картезианские попытки вернуть уверенность с помощью личной медитации были еще более пагубными. Пирс говорил: «Каждый из нас не может разумно надеяться на достижение конечной философии, которую мы преследуем. Поэтому мы можем только искать ее для сообщества философов».

Декарт был прав в том, что первая задача философии – прояснить наши идеи. Но Пирс считал, Декарт не смог дать адекватного ответа на то, что он имел в виду под ясными и различными идеями. Если идея должна отличаться, она должна выдержать испытание диалектическим исследованием. Процессы расследования, если углубиться, дадут одно решение на все вопросы. Ученые могут изучать проблему (например, проблему скорости света) многими различными методами. Сначала они могут получить разные результаты. Но по мере совершенствования каждого метода и процесса результаты будут неуклонно двигаться к намеченному центру. Именно в этом центре должна быть найдена истина.

Противоречит ли это тезису о том, что реальность независима от мысли?

Ответ Пирса на это сложный и тонкий. С одной стороны, реальность независима не обязательно от мысли в целом, но только от того, что вы, я или любое число людей могут думать об этом. С другой стороны, объект окончательного мнения и зависит от того, что любой человек об этом думает. А человеческая порочность может бесконечно откладывать урегулирование мнений. Это может привести к тому, что произвольное предложение будет принято повсеместно до тех пор, пока будет существовать человеческая раса.

Поэтому вполне возможно, что предложение истинно, даже если каждый человек считает его ложным. Пирс предлагает два пути для реализации такой дихотомии. С одной стороны, говорит он, другая раса может преуспеть нашу в вымирании, и истинное мнение будет тем, к которому они придут. Но он также говорит, что «католическое согласие, составляющее истину, никоим образом не должно ограничиваться человеческим родом, оно должно распространяться на всё сообщество мыслящих, к которому мы принадлежим».

Важно иметь четкое представление о содержании верований, которых мы достигаем в ходе этого непрестанного стремления к истине. Вера, говорит Пирс, имеет три свойства. Во-первых, это то, что мы знаем. Во-вторых, она успокаивает раздражение от сомнения. В-третьих, она включает в себя установление правила действия, то есть привычки.

Различные убеждения отличаются различными способами действий, к которым они приводят. «Если убеждения не отличаются в этом отношении, если они умиротворяют одно и то же сомнение, производя одно и то же правило действия, то больше никакие различия в их сознании не могут сделать их разными убеждениями».

Для иллюстрации этого Пирс использует религиозный пример. Протестанты говорят, что после слов освящения жертвенники приносили хлеб и вино, а католики – нет. Но члены этих двух сект не отличаются друг от друга в своих ожиданиях разумного воздействия причастия. Пирс писал: «Мы ничего не можем означить вином, но то, что имеет определенные эффекты – прямые или косвенные – на наши чувства, и говорить о чём-то, что имеет все разумные символы вина, но в действительности есть кровь, бессмысленный жаргон».

Именно в этом контексте Пирс впервые выдвинул свой принцип прагматизма, который он представляет как правило для достижения максимальной ясности наших идей. «Подумайте, какие эффекты, которые, возможно, имеют практическую направленность, мы представляем себе как объект нашей концепции. Тогда наше представление об этих эффектах – это всё наше представление об объекте».

Важно отметить, что прагматизм Пирса – это теория не истины, а смысла. Он предвосхищает теорию верификации смысла, выдвинутую позднее логическими позитивистами. Пирс применяет этот принцип к понятиям твердости, веса, свободы, силы. И делает вывод в

последнем случае: «Если мы знаем, каковы последствия силы, мы знакомы со всеми фактами, которые подразумеваются в том, что сила существует. И нам больше нечего знать».

В статье Пирса не всегда ясно, как он видит связь между логикой и психологией. Чтобы проиллюстрировать логику науки, в начале своих эссе он пишет: «Цель рассуждения состоит в том, чтобы из рассмотрения того, что мы уже знаем, выяснить что-то ещё, чего мы не знаем. Следовательно, аргументация хороша, если она дает истинное заключение из истинных предпосылок, а не иначе. Таким образом, вопрос о его действительности является чистым фактом, а не мышлением».

С другой стороны, Пирс иногда пишет так, как будто логические истины являются законами психического поведения. Сказав нам, что три основных класса логического вывода – это дедукция, индукция и гипотеза, он продолжает говорить, что в дедукции ум находится под властью привычки или ассоциации, в силу которой общая идея предлагает в каждом случае соответствующую реакцию. «Возможно, два утверждения должны быть согласованы таким образом: рассуждение – хорошее или плохое – является вопросом привычки. Но это вопрос факта, а не мысли, является ли определенная часть рассуждений действительной или нет».

На этом мне хотелось бы подвести итог рассмотрению Энтони Кенни эпистемологии Чарльза Пирса, которая во многом определяет и нынешнее состояние методологии научных исследований в западном мире.

Я думаю, что наследие Пирса, безусловно, может и должно стать настольной и для молодых исследователей, которые только начинают свой путь в науке, и для уже опытных коллег.